

муаллимин бутюн Къырым ичюндир. Хэр ерден адамлар кельмели. Факъат хич зан итмем ки, бу эмур-и-хайирден (хайырлы иштен) къачан адам булунсын. Шурасыны да арз идеям ки, юкъарыдан бери серд иде кельдигимиз (къысым-къысым аңлаткъанымыз) макъсады мейдана кетирмек ичюн хич бир мюшкюлят чекильмез умидиндейим.

Йигирми беш сене мукъаддем миллетимизин не халда олдугъы хэтинъизе малюмдир. Ялынъыз бир «Терджиман» иле нелер мейдана кельди ве не фикирлер догъды! Йигирми сене мукъаддем маариф, газете, мектеп недир, исляхат насыл шейдир? – диен кимсе ёкъ икен, бугунъ юзлерле маарифперверлер, мухаррирлер, эдиплеримиз вардыр. Беш-он сене эввель Къырым адамы?, ярымадамы? – не олдугъыны бильмеенлер, бугунъ Африка ве Америкадан бахс (субет) идиюр. Миллетимизде теракъкъи фикри уянды. Бу фикри изхар итмели (мейдангъа чыкъармалы), тешеббюс идеджегимиз эмур-и-хайирде бир мюшкюляте огърар исек, буюклеримиз хэр заман халь итмеге хазырдырлар. Иджтима (топланты) заманыны келеджек номерлеримизде тайин идериз...» [9].

Нетидже оларакъ шуны къайд этмели ки, юкъарыда мисаль оларакъ кетирилген бир къач

парчалардан корюнгени киби, «Ветан хадими» газетасы миллий медениет ве тарихимизнинъ буюк бир маневий ядиркярлыгъыдыр. Онынъ ве онъа бенъзер дигер эски матбуатымызнынъ саифелерини «джанландырмакъ» эмиетли ве ше-рефли хызметтир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Айвазов А. С. Къырым генчлигининъ ильки газетеси. «Ветан хадими»нинъ 20 сенелиги мунасебетиле // Илери. – 1926. – № 1. – С. 49–53.
2. Kırımlı H. Kırımtatarlarında milliy kimlik ve milliy hareketler: 1905–1916. – Ankara : Türk tarih kurumu basımevi. – 1996. – 296 s.
3. Акъчокъракълы О. Къырымда татар матбааджылыгъы // Илери. – 1927. – № 4. – С. 22–23.
4. Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1.
5. Гаспринский И. «Ветан хадими» // Терджиман. – 1906. – № 126. – Ноябрь 6.
6. Алядин Ш. Бизим ифтихарымыз // Ылдыз. – 1987. – № 5. – С. 43–50.
7. Хэйт тахририе. Меслек ве мурадымыз // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 1.
8. Ветане хызмет // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 1.
9. Айвазов А. С. Мектеплерин исляхи ве иджтима-и муаллимин // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 2–3.

УДК 821.161.1 : Д 82-31

Романов Ю. А.

ОТРАЖЕНИЕ «ПОДПОЛЬНОГО» ЭСТЕТИЗМА В ПОЭМЕ «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» ИЗ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

У даній статті досліджено реалізацію «підпільного» мотиву (зокрема «підпільного» естетизму) в образі Івана Карамазова за матеріалами його поеми «Великий інквізитор».

Ключові слова: «підпільний» мотив, образ, ідеал, самокаяття, естетизм.

В данной статье исследуется реализация «подпольного» мотива (в особенности «подпольного» эстетизма) в образе Ивана Карамазова на материале его поэмы «Великий инквизитор».

Ключевые слова: «подпольный» мотив, образ, идеал, самокань, эстетизм.

This article concentrates upon realization of the «underground» motive (especially the «underground» aestheticism) in the character of Ivan Karamazov on the body of his poem «The Grand Inquisitor».

Key words: «underground» motive, character, ideal, self-torture, aestheticism.

Постановка проблемы. Поэма «Великий инквизитор» приковывает к себе внимание критиков, философов, литературоведов уже более 130-ти лет. Трудными многих исследователей творчества Ф. М. Достоевского представлено осмысление проблематики поэмы в самом широком контексте [1; 2].

Анализ публикаций. В. Розанов считал главы «Pro и contra» и «Великий инквизитор» «центральными» не только по отношению к ро-

ману «Братья Карамазовы», но и «по отношению ко всему длинному ряду произведений Достоевского, который можно рассматривать как предварительные, неясные и неполные вариации мучительной темы», когда «Бог принимает исповедь от твари своей за все тысячелетия ее страданий, смрада, греха и могучих и напрасных усилий превозмочь это» [3, с. 73]. Н. Бердяев отмечал: «Вершины своего сознания Достоевский достигает в «Легенде о Великом Инкви-

зители». Тут завершаются его антропологические откровения, и проблема человека ставится в новом религиозном свете» [4, с. 229]. В относительно недавно вышедшем, но уже достаточно известном сборнике трудов под редакцией Т. А. Касаткиной, отражающем «современное состояние изучения» романа «Братья Карамазовы», в приведенной библиографии, включающей перечень исследований по данному роману за последние 40 лет, проблематику поэмы «Великий инквизитор» затрагивают более четырех десятков работ [5, с. 797–827]. В самом сборнике также опубликованы труды современных исследователей, продолжающие раскрывать спектр проблем, развернутых в поэме: например, в исследовании П. Фокина делается попытка определения места поэмы «Великий инквизитор» в идейной структуре романа «Братья Карамазовы» [6]; работа С. Бочарова посвящена анализу «странного сближения молодого пушкинского стихотворения с последней идейной конструкцией Достоевского» как «одного из прямых отражений Пушкина в Достоевском» [7]; проблемы «метафизики противостояния» в романе «Братья Карамазовы» исследуются Л. Сараскиной [8].

Как указано в комментариях к роману в 30-томном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, возникновение у писателя одного из важных мотивов, получивших развитие в главе V пятой книги второй части романа «Великий инквизитор», относится к 1840-м годам (см. иронические реплики Мурина в адрес Катерины о «волюшке» и «слабом человеке» в повести «Хозяйка»), а образ Ивана «генетически связан с Раскольниковым, Ипполитом Терентьевым и Ставрогиним» [9, т. 15, с. 402, 416]. По нашему мнению, в этом же ряду можно поместить и образ человека из «подполья» (героя-рассказчика повести «Записки из подполья»), в характере которого наиболее полно воплощен «подпольный» тип сознания и поведения (на связь идейной проблематики «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор» указывали еще В. Розанов [10] и Н. Бердяев: «Идейная диалектика о человеке и его судьбе начинается в «Записках из подполья», будет дальше раскрываться через все романы Достоевского и найдет свое завершение в «Легенде о Великом Инквизиторе» [11, с. 48]).

Цель настоящего исследования – проследить реализацию «подпольного» мотива (в особенности, «подпольного» эстетизма) в образе Ивана Карамазова на материале его поэмы «Великий инквизитор».

Изложение основного материала. Как показывают исследования [12; 13], «подпольный» мотив в повести «Записки из подполья» (да и в

творчестве Достоевского в целом) выражен следующим образом:

- человека из «подполья» отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к негативным, уродливым ее сторонам. Такое видение мира ставит его «из ряда вон», обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой;

- противостоит трагедии бытия в сознании «подпольного» героя «прекрасное и высокое», в духовное бегство к которому и устремляется герой повести. С высоты «прекрасного и высокого» «непосредственные люди и деятели» оказываются презренно низки; в человеке из «подполья» рождается стремление изменить их жизнь в соответствии с собственным эстетическим идеалом, подчиняя всех своей воле («подпольный» герой мнит себя «Наполеоном», «деспотом в душе»);

- в жизни действительной человек из «подполья» осознает собственное несоответствие идеалу и потому предаёт себя жестокой самоказни, которая носит эстетический характер: в собственном унижении для героя заключается «сок ... странного наслаждения», «наслаждения от ... сознания своего унижения» [9, т. 5, с. 105, 102];

- подверженный страсти добровольного самоуничтожения, герой оказывается выброшенным из «компании человеческой» и испытывает нравственное отчуждение от духовного бытия Божьего мира; происходит глубинное неприятие и провозглашается проклятие его, что приводит к разложению всех человеческих качеств и постепенной гибели героя в духовной изоляции – «подполье».

Проецируя данную «подпольную» матрицу на характер Ивана, нетрудно заметить совпадения, позволяющие говорить о выраженности в нем «подпольных» черт:

- как и «подпольного» героя, Ивана отличает трагическое восприятие мира, обостренное внимание к его уродливым сторонам, о чем свидетельствует собранная им «коллекция» «некоторых фактиков»: о турках, со сладострастием мучивших и убивавших детей; о казни Ришара; о мужике, с остервенением бьющем клячку по плачущим «кротким глазам»; о том, как «образованный господин и его дама» секли «собственную дочку»; о «девчоночке маленькой, пятилетней», запертой «в холод, в мороз» возненавидевшими ее родителями «в подлом месте»; о маленьком мальчике, «всего восьми лет», затравленным стаей генеральских борзых на глазах у матери;

- если «подпольный» человек противопоставляет несовершенному миру свой морально-

нравственный идеал «прекрасного и высокого» в образе «героя», над всеми торжествуя и прощая всех [9, т. 5, с. 132–133], то Иван Карамазов прямо осуществляет «притязание гордыни сатанинской», – «быть самому Богом, быть выше Бога» [14, с. 68], обращаясь к Богу на равных, обвиняя Бога в страдании невинных детей, Божьего мира не принимая и «билет» на вход в гармонию возвращая;

• причиной самоказни Ивана, как и у человека из «подполья», выступает несоответствие героя своему идеалу (в частности, примером этого могут служить отношения Ивана со Смердяковым, которые очень напоминают нравственные мучения «подпольного» героя со своим слугой Аполлоном). Заклучая в себе непомерное тщеславие, гордыню, Человекобожие, Иван в то же время признает, что он – «клоп» – в состоянии мыслить только «земным», «эвклидовским» умом и что «правда ... не от мира сего» ему «непонятна» [9, т. 14, с. 222]. В осознании этого – доходящая до наслаждения самоказнь и эстетизация ее. Иван понимает, что существующий порядок вещей в его же собственной трактовке – лишь только «эвклидовская дичь» и жить по ней не сможет «согласиться» [9, т. 14, с. 222], точно также как не мог согласиться герой «Записок из подполья» с непрерывно обижавшими его «законами природы» – «каменной стеной» [9, т. 5, с. 105]. Потому-то в поэме «Великий инквизитор» Иван нравственно и приравнивает себя к инквизитору, который, оставаясь «со страданиями неотомщенными» [9, т. 14, с. 223], смог побороть свободу и «сделал так для того, чтобы сделать людей счастливыми» [9, т. 14, с. 229]. (На связь инквизитора с «подпольем» указывает его собственное признание о том, что люди, «промучившись тысячу лет со своей башней» (Вавилонской), «принесут свою свободу к ногам нашим» [9, т. 14, с. 230–231] и «отыщут нас» «*под землей, в катакомбах*» (курсив мой – Ю. Р.) [9, т. 14, с. 230]). Эстетизация самоказни достигает наивысшего накала, когда инквизитор открыто объявляет о том, что взяв в руки меч кесаря и отвергнув Христа, они пошли за Антихристом [9, т. 14, с. 235], и «все будут счастливы», но только «управляющие ими» и «хранящие тайну» будут «несчастливы» [14, с. 236]. Алеша камня на камне не оставляет от Ивановой эстетики, говоря, что за нею стоит «самое простое желание» власти и благ «без ... возвышенной грусти», а также о том, что инквизитор «не верует в Бога», в чем и «весь его секрет» [9, т. 14, с. 237–238];

• говоря о том, что «спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла» [9, т. 14, с. 232] (в «За-

писках из подполья» герой, после того, как «оскорбил ... окончательно» Лизу, тоже говорит, что «"спокойствия" желал, остаться один в подполье желал» [9, т. 5, с. 175–176]) и о том, что «надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения», «вести людей уже сознательно к смерти и разрушению», Иван фактически констатирует «подпольность» своей духовной жизни. Алеша, безмерно сожалея об Ивановом неверии, «с чрезвычайною скорбью» горюет об «аде» («подполье» – Ю. Р.) в его «груди и в голове» [9, т. 14, с. 239].

Выводы. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в характере Ивана отражен полный спектр составляющих «подпольного» духодвижения: трагическое восприятие Божьего мира, бунт против него; противопоставление ему идеалов «прекрасного и высокого», т. е. Человекобожие; острое осознание собственного несоответствия возвышенному идеалу и потому – жестокая самоказнь; наконец, глубокое духовное отчуждение, «самоограждение» («спешу оградить себя», – как говорит Иван [9, т. 14, с. 223]) и следование «уже сознательно к смерти и разрушению».

Следует отметить также функциональную близость «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор»: обе были задуманы как высказывание «богохульства» [9, т. 15, с. 481]. И если ответ на «богохульство» в «Записках из подполья» уничтожили «свиньи цензора» [9, т. 5, с. 375], то ответом на поэму Ивана послужила следующая – шестая книга «Братьев Карамазовых» – «Русский инок» [9, т. 15, с. 482].

Сам Ф. М. Достоевский поочередно называл каждую из этих книг – «Pro и Contra», вмещающую поэму «Великий инквизитор», и «Русский инок» – «кульминационной» и относил к несомненным творческим удачам, по праву гордился ими (по свидетельству А. Г. Достоевской, ее муж «особенно ценил в «Карамазовых» Великого инквизитора, смерть Зосимы...» [9, т. 15, с. 487]). Таким образом, была изображена не только одна, по выражению Достоевского, «подпольная нигилиятина», но и «опровержение богохульства» [9, т. 15, с. 481].

Перспективы дальнейших исследований по данной проблематике связаны с изучением как мотивной структуры романа «Братья Карамазовы», так и творчества Ф. М. Достоевского в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 272 с.
2. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – 432 с.

3. Розанов В. В. О Достоевском (Отрывок из биографии, приложенной к собранию сочинений Ф. М. Достоевского, изд. «Нивы») / В. В. Розанов // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – С. 64–73.
4. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского / Н. А. Бердяев // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – С. 215–233.
5. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – 835 с.
6. Фокин П. Е. Поэма Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» в идейной структуре романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / П. Е. Фокин // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 115–136.
7. Бочаров С. Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор / С. Г. Бочаров // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 70–97.
8. Сараскина Л. И. Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» / Л. И. Сараскина // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 523–564.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30-ти т. / Фёдор Михайлович Достоевский – Л. : Наука, 1972–1990.
10. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития / [сост., вступ. статья В. В. Ерофеева; коммент. О. Дарка]. – М. : Искусство, 1990. – С. 37–224.
11. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии / [сост., вступ. ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова]. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. – Ч. 1. – С. 26–148.
12. Романов Ю. А. Комментарии к повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» : учебно-методическое пособие для студентов гуманитарного профиля / Ю. А. Романов. – Харьков : НТУ «ХПИ», 2002. – 56 с.
13. Романов Ю. О. Феномен «підпілля» в поезії Ф. М. Достоевського: архетипічне та типологічне : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук / Ю. О. Романов. – Сімферополь, 2003. – 20 с.
14. Лосский Н. О природе сатанинской / Н. Лосский // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. – СПб. : Мысль, 1922. – С. 67–92.

УДК 82.0

Рустемова Л. А.

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ

У статті розглянуто корпус творів В. І. Даля, що свідчить про своєрідне рішення кримської теми у творчості письменника.

Ключові слова: *традиційно-романтичний, художній, творча індивідуальність.*

В статье рассмотрен корпус произведений В. И. Даля, свидетельствующий о своеобразном решении крымской темы в творчестве писателя.

Ключевые слова: *традиционно-романтический, художественность, творческая индивидуальность.*

The article considers a number of works V. Dal and shows the original solution of Crimean theme in the writer's works.

Key words: *traditionally romantic, artistry, creative individuality.*

Постановка проблемы. Крымская тема имеет глубокие корни в русской литературе. По словам В. Г. Белинского, подобно Кавказу, Тавриде суждено было стать «колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной» [1, с. 692]. Более чем за два столетия с момента присоединения Крыма к России в решении крымской темы в русской литературе сложилась определенная система зависимостей, связывающая произведения разных авторов и имеющая свой круг понятий, образов, мотивов.

Упоминание о Тавриде встречаем уже в XVIII веке, в частности у А. П. Сумарокова. То-

гда складывается архетип Крыма: Крым – новая земля, «...рай на земле», «истинное сокровище России». Романтические иллюзии о прекрасной жизни на лоне природы, «земле обетованной», мире вольном, цветущем, надежно удаленном от холодного официального Петербурга, связал с Крымом в начале XIX века К. Батюшков.

Как пишет М. Эпштейн, в пору становления русской классической литературы «попытка... изменить ее географические ориентиры», противопоставить Петербургу Тавриду, Юг, Черноморье – явление значительное» [2, с. 166].

В поэтических шедеврах А. С. Пушкина Крым воспевается как место, где открываются